

Интеллектуальный бестселлер
Первый ряд

ПОЛ
БЕЙТИ

ЧЕРНЫЙ
КАНДИДАТ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б35

Paul Beatty

TUFF

Copyright © 2000, Paul Beatty
All rights reserved

Перевод с английского *Артема Аракелова*

Дизайн серии и оформление суперобложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Бейти, Пол.

Б35 Черный кандидат / Пол Бейти ; [пер. с англ. А. Аракелова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд).

ISBN 978-5-04-091707-5

Экстравагантная сатира на политический мир на уровне гетто от букеровского лауреата. Пол Бейти рисует злые улыбки Гарлема проблемными красками. Уинстон «Борзый» Фошей, добродушный человек-гора, который запросто может сломать челюсть, стоит перед нелегким выбором любого парня с района, мечтающего о миллионах, — ограбить банк или баллотироваться в городской совет.

Этот роман заставит по-новому посмотреть на выборы, золотых рыбок и замаскированный расизм. Голосуйте за Бейти!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Аракелов А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091707-5

Перефразируя бессмертного Бигги Смолза —
эта книга посвящается всем моим ниггерам,
которые продолжают борьбу,
в литературе и в жизни:
Ниггеру Джиму, Кигегу, Дилси,
Кандиду, Дяде Тому, Тикейку,
Дэну «Спуку» Фримену, Стаголи;
Элу и Рональду, Джерри, Чарли и Билли,
Т. Морроу, ДСР, Д. У., Лоусону и Тои Расселу.

Спасибо Шеле, Пэм, Джордану, Юргену,
Анне, Шерон, маме, бабушке и Эйнке.

Особые благодарности
Шону Уильямсу и Юри Кочияма
за их терпение и поддержку.

1. Борзый и Плюх

Когда Уинстон Фошей, придя в себя, обнаружил, что лежит на деревянном полу наркопритона в Бруклине, инстинкт заставил его не открывать глаза, а, наоборот, крепче сжать веки...

Обычный человек, отходя ото сна, моргает. Уинстон же встал с закрытыми глазами и выставил перед собой руки в поисках зеркала — он знал, что оно стоит где-то между кожаным диваном и галогенным светильником. Как мальчик, играющий в «прицепи ослу хвост», он нащупал большую, в человеческий рост, раму, осторожно коснулся стекла кончиками пальцев и медленно открыл глаза. Подозрения об ишачьем облике полностью подтвердились.

Из зеркала на него таращится осел с изможденным, дочерна закопченным лицом и сердцем туземца с берегов Конго. На подбородке курчавится редкая борода. Лоб насуплен глубокими морщинами. Веки полуприкрыты, поджатые толстые губы не намекают ни на улыбку, ни на оскал. Человек с таким лицом с равной вероятностью может спросить, который час, или потребовать кошелек. Лицо у отражения настолько непроницаемое, полное фирменной крутизны Восточного Гарлема, что Уинстон и сам не может угадать, о чем думает. Но сейчас все иначе. Сейчас все его мысли так же очевидны, как растрескавшийся двойник в зеркале.

Он потрогал пулевую пробоину, превратившую его нос в белый прыщ стеклянного крошева, и подумал: «Ниггеры есть ниггеры».

Несколько секунд назад Уинстон находился в отрубке, как белый боксер-тяжеловес, и, как и боксер, был потерян для своей расы, поэтому Уинстон не торопился поверить в здоровье, которым светилось его отражение. Он похлопал себя по бокам, словно искал в карманах зажигалку. Ни единого попадания. Ударил себя кулаком в грудь:

— Этот, сука, ниггер, жив на всю катушку.

Кроме него в этой бруклинской квартирке валялись еще три типа из гетто, навсегда умолкшие молодые гангстеры, неподвижные, с распахнутыми ртами и остекленелыми глазами, как фигуры из музея восковых фигур знаменитых преступников. В комнате было тихо, похоронный такой дзен, только ободранные занавески хлопали на ветру да ворковал насос аквариумного фильтра.

К Уинстону начал возвращаться расслабленный, нагловатый вид, который слетел с него несколько мгновений назад, во время стрельбы. Схватив левой рукой мошонку, Уинстон направился к ближайшему телу, которое еще недавно знал как Чилли Моуста из Флэтбуша. Чилли Моуст навалился на кофейный столик, уткнувшись лбом как раз между пищевой содой и весами. Пять минут назад Чилли возился с чашами и гирьками в ожидании неразбавленного кокаина и громогласно возмущался идиотизмом действующего мэра, который хвастался своими заслугами в снижении уровня преступности:

— Наш мэр думает, что придурков, желающих зашибить деньгу, остановят рифмованные кричалки, дополнительное патрулирование и смертная казнь. Да я сам

преступник, без пяти минут профессор криминалистики, и не надо мне втирать, что дурацкий слоган «Выброси бритву, сходи на молитву», коп на мопеде и электрический стул заставят тебя подумать дважды. Я тебя умоляю: решившись на преступление, ты уже дважды сделал выбор. Подкрасться сзади или наброситься спереди? Сказать «Деньги гони!» или более традиционное «Кошелек или жизнь»? Засунув дуло чуваку в ноздрю, ты думаешь: стоит сдержаться или таки провентилировать ему черепушку? А потом говоришь себе: «Да хрен с ним, жми». Это еще две мысли. Ну а вышка просто заставляет тебя убивать больше. Мочканул одного, вкусил крови, начинаешь убирать свидетелей. Это ясно любому кретину с крупницей здравого смысла. И если в городе так безопасно, почему мэр по-прежнему не появляется на улице без девяти телохранителей? Все это предвыборная брехня — если преступность снижается, так потому, что черные мочат черных. Как в природе: если жратвы становится меньше, аллигаторы начинают есть друг друга, сокращая популяцию.

Чилли Моуста и впрямь сократили. Пуля проделала в его макушке дыру с пол-ладони, откуда на обугленное входное отверстие натек толстый слой крови в смеси с серым веществом мозга выпускника начального колледжа. Отведя глаза от этой мерзкой картины, Уинстон закинул в рот жвачку и пробормотал:

— Господи, как я ненавижу Бруклин.

Когда Уинстону исполнилось восемь лет, отец повез его и несносных бруклинских племянников на Кони-Айленд. Подарком сыну был взнос за участие в ежегодном конкурсе по поеданию хот-догов. Уинстон поучаствовал и даже выиграл, но его дисквалифицировали, потому что он запил тридцать три футовые сосиски папиным тепловатым пивом. Так что вместо

годового запаса говяжьих сосисок ему достался пятидесятидолларовый штраф за употребление алкогольных напитков несовершеннолетними.

Затем их компания переместилась под купол шапито, где Гарри Гортензия, Бородатая женщина, лежала на доске с гвоздями и позволяла детишкам прогуляться по ее животу. Заметив боковым зрением Уинстона, трусившего к ней, как юный гиппопотам, Гортензия мгновенно вскочила с гвоздей, ради смеха похлопала его по пузику и подарила расстроенному мальчику первый в его жизни поцелуй. Потом Саламандровый Сэм — Мальчик-Амфибия — жонглировал горящими булавами, а кузен Уинстона Карл изображал ведущего телешоу: носился по проходам, совал незнакомцам под нос воображаемый микрофон и спрашивал: «А вот моего братца Уинстона поцеловала бородатая тетка... Он, что ли, стал педиком?»

Следующим пунктом в программе значилась «Адская нора».

Аттракцион «Адская нора» представлял собой вертикальный металлический цилиндр, который раскручивался с такой силой, что людей внутри прижимало к стенам, как магниты для холодильника. Служитель взял у Уинстона билет, покосился сначала на округлого, как неваляшка, чернокожего мальчугана, а потом на ржавые растяжки, удерживавшие цилиндр.

— Сынок, ты сколько вешишь?

— Совсем немного, — ответил Уинстон, пытаясь удержать набегающие слезы. — Прошу вас, мистер, у меня сегодня день рождения.

Парень помедлил, потом махнул рукой.

— Только держись подальше от двери. Так, остальная шантрапа, вы становитесь напротив мальчика-Будды, для баланса.

Уинстон прижался к холодной стальной стене, избегая взглядов своих мелких родственников, ожидавших нового шоу.

— Вот увидишь, Уинстон, твоя жирная задница не даст нам раскрутиться!

Внизу под цилиндром что-то засвистело, и конструкция начала вращение. Вскоре центробежная сила распластала всех — даже Уинстона — по стенам. Он забыл все обиды, его кузены и кузины визжали и смеялись, кричали механику: «Убирай пол!» С болезненным ржавым стоном диск под ногами пополз вниз, и на секунду вес Уинстона перестал быть проблемой: он прилип к стене, как расплюснутая муха, наравне с остальными.

Но потом, едва Уинстон позволил себе улыбнуться, он ощутил, что сползает вниз, словно капля краски. Что, уже откатались? Нет, кухня Джули по-прежнему горизонтально «плыла» вдоль стены и не думала опускаться.

— Поглядите на Уинстона! — заверещала она. — Он падает, как долбаный дохлый голубь!

Дети вокруг него и выше осыпали издевками беспомощного пухлого восьмилетку, попавшего в плен стального водоворота. Уинстон харкнул в сторону Антуана, женоподобного кузена, который обзывал его громче всех. Ком слизи лениво повисел в воздухе мучительную секунду, а потом упал обратно, прямо на переносицу. Даже отец смеялся. Уинстон заплакал. Слезы не текли по его пухлым щекам, они лились назад, по вискам и куда-то за уши. Звуки издевательств тринадцатилетней давности заглушили в ушах Уинстона эхо недавней перестрелки.

— На хую вертел я Бруклин и вас, ниггеров!

И вот, этой последней прохладной летней ночью количество ненавистных Уинстону ниггеров уменьшилось в Бруклине на три человека. Чилли Моуст,

который называл всех чернокожих парней «богами», сам оказался не слишком божественным и не смог воскреснуть. Золтан Ярборо, постоянно хваставший своими бруклинскими корнями («Браунсвилль, никогда не бежал, никогда не показывал тыл»), превратился в окаменевшее воплощение этого девиза. Одна его нога лежала на подоконнике, а пуля, как и все, что говорила ему когда-либо мать, влетела в одно его ухо и вылетела в другое. Деметриус Броднакс из «Сделай-или-умри-Бед-Стай» валялся на полу. На его обнаженном торсе цвета свежей земли от грудины до пупка протянулась цепочка пулевых отверстий. Уинстон злорадно оглядел труп Деметриуса, всмотрелся в остекленевшие глаза бывшего босса: его подмывало сказать: «Я увольняюсь» — и попросить расчет. Вместо этого Фошей подошел к аквариуму, прижал нос к стеклу и задумался, кто теперь будет кормить рыбку.

Как и большинство работ, на которые Уинстон нанимался после школы, эта окончилась раньше времени. А началась всего две недели назад, с собеседования, на котором в качестве резюме он предоставил собственное лицо, а в качестве рекомендательных писем — две фразы своего лучшего друга, Фарика Коула: «Этот толстый ниггер не шутит. Йоу — на районе все знают: вырубит любого одним ударом». Никаких там «Мистер Фошей, как, по вашему мнению, сочетаются ваши личные карьерные устремления и наша корпоративная миссия? Как у вас обстоит с мотивацией? Какие книги вы прочли в последнее время?». Деметриус просто вручил ему удостоверение члена гетто-профсоюза: автоматический «Рейвен» двадцать второго калибра, который Уинстон спокойно, но не задерживая в руках, вернул обратно.

— Тебе чего, пушка не нужна?

— Не-а.

— Слушай, чувак, ты, может, умеешь сбивать с катушек любого уличного придурка, но в нашем бизнесе люди будут трясти у тебя перед носом совсем не кулаками.

Уинстон пожал плечами.

Деметриус смерил его с головы до ног.

— Ты ж не ссыкло вроде. Не похож.

— Никогда не отступай. Один раз поддашься, больше не остановишься, да? Я просто не люблю пушки.

— Дело твое. Когда сюда ворвутся какие-нибудь мудаки, ты окажешься у них на пути и за твоей жопой смогут укрыться двое или трое наших. Начинаешь завтра в четыре.

Приступив к работе, Уинстон и впрямь оказался «на пути», но не в том смысле, на который надеялся Деметриус. Обязанности у него были простые: с четырех дня до десяти вечера, пять дней в неделю, открывать дверь и с угрожающим видом орать: «Гони бабки, тварь!» — особо упрямым клиентам. Но Уинстону на нервы действовала сама поездка в Бруклин. Проснулись детские травмы, и вся крутизна улетучилась.

Вместо того чтобы, вальяжно развалясь, каждые пять минут пересчитывать деньги, Уинстон носился по притону, наступая людям на ноги, опрокидывая все, к чему прикасался, и без умолку болтая. Он пытался разрядить мрачную атмосферу преступного логова оглушительно глупыми анекдотами. *Вы в курсе, почему шотландцы носят килты?* После особенно беспомощных шуток... *Потому что овца услышит звук растягиваемой ширинки за сотню футов...* В наступившей тишине слышался металлический щелчок. Это Деметриус снимал пистолет с предохранителя.

К тому же Уинстон не знал всевозможные правила и неписанные законы бруклинской наркоторговли.

Крышки какого цвета соответствуют пластиковым ампулам нужного объема? Считать ли переносной телевизор подходящим платежным средством? Он не мог отличить один секретный посвист своих товарищей от другого. Деметриус часто орал:

— Не смей спускать товар в толчок, дубина! Это же брачный клич рубиноголового королька!

К Деметриусу присоединился Чилли Моуст, и началось едкое вербальное бичевание:

— В отличие от нашего секретного сигнала...

— Песни жаворонка в полете...

— Нежное «у-дукка-дукка-у»...

— Старый добрый *Alauda arvensis*, исходный ареал — Евразия, но получил распространение на северо-западных территориях Канады, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься, ты, бля, без балды ниггер-орнитолог.

Последний раз Уинстон услышал этот драгоценный позывной перед тем, как открыл дверь и два каких-то незнакомых ниггера отпихнули его, размахивая пистолетами, не соизволили как следует представиться и объявили о своем приходе, вогнав пулю в свежевыбритую башку Чилли Моуста. И сделал то, что, как предрекали его коллеги, с ним обязательно должно было произойти при виде направленного на него ствола: упал в обморок, «как сучка».

Через три минуты после возвращения в себя Уинстон все еще не мог убраться из квартиры. Что-то его держало. Словно астронавт, связанный фалом с кораблем, дрейфующим в бруклинском эфире, он пытался подобраться к двери, но малейший шум в коридоре или далекие отзвуки сирены отбрасывали его обратно в гостиную. Он начал бормотать под нос:

— Это как в той киношке, испанской, с прибабахом, где богачи не могут выйти из дома. Луи Бустело или типа того. Как это... сюрреализм. Так вот, у меня, видеть, приступы сюрреализма.

Приступ красноречия был прерван скрипом половицы за спиной. Уинстон развернулся на месте, сжимая трясущиеся кулаки.

— Кто тут?

— Кто тут? — раздалось в ответ.

Уинстон расслабился.

— Чува-ак, — улыбнулся он и плюхнулся на диван.

В гостиную, опираясь на отставленные вбок костыли, проковылял Фарик Коул. Друзья прозвали Фарика «Плюхом», потому что его нос, губы и лоб располагались в одной евклидовой плоскости. В профиль лицо мало чем отличалось от картонной коробки. Как пружина-слинки, поочередно сжимаясь и разжимаясь, с каждым полусудорожным, развинченным рывком тело Фарика приближалось к Уинстону. Вокруг шеи, словно своеобразные ювелирные спутники, по эллиптическим орбитам обращались две подвески: символ доллара из чистого золота и инкрустированный бриллиантами египетский анх. Фарик остановился у дверного проема и подозрительно уставился на Уинстона.

— С кем ты болтал?

— Да ни с кем, просто пытался понять, почему я еще тут.

— Ты еще тут, потому что не мог уйти без меня, твоего так называемого кореша.

— Ты кореш, точняк, но я только минут десять, как пришел на работу, и знать не знал, что ты в квартире. Не, здесь что-то еще.